

УДК 94(47).84.8-057.36

А. В. Заблоцкий

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ КАК ГЛАВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ В СОЗНАНИИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война стала новой вехой в развитии военного дела. Никогда ранее боевая техника не играла такой значительной роли и, соответственно, не занимала совершенно особого места в официальной идеологии и пропаганде. Это была индустриальная война, в которой технико-технологические факторы стали решающими в формировании и реализации военной стратегии, а успешность действий армии в значительной степени зависела от овладения техникой солдатами. В общем контексте бытия человека на фронте сложился образ советской боевой техники в сознании участников Великой Отечественной войны. Такой образ становился достоинством каждого фронтовика и, вместе с тем, являлся одним из проявлений народного духа, характерологическим срезом общественного сознания в экстремальных военных условиях.

В рамках изучения Великой Отечественной войны современные исследователи уже обращались к изучению образов выдающихся общественных явлений в массовом сознании, прежде всего – образа врага. В рамках военно-антропологического подхода плодотворным является постановка А.С. Сенявской вопроса о психологических особенностях бойцов, сложившихся под влиянием системы «человек-машина» [1, с. 48]. То есть, в историографии определены общие методологические и методические подходы, но проблема образа советской боевой техники в общественном сознании участников Великой Отечественной войны специально еще не исследовалась.

Цель статьи – проанализировать персонифицированные образы советских боевых машин в сознании фронтовиков (1941–1945 гг.).

Что касается источниковой базы исследования, то возможность изу-

чения образа техники существует, прежде всего, благодаря его многоканальной объективации в вербальной и визуальной формах. Вербальная – зафиксирована и сохранилась во фронтовом фольклоре, письмах, дневниках, бытовых высказываниях, в художественной литературе, воспоминаниях. Визуальными средствами фиксации образов являются фотографии, кинохроника, произведения изобразительного искусства.

Сложность реконструкции образа советской техники в общественном сознании обусловлена, с одной стороны, многогранностью объекта восприятия (множество типов боевых машин, которые имели очень разные характеристики), а с другой – неоднородностью субъекта восприятия. Ведь советские солдаты имели разное происхождение, возраст, образование, звание, служили в разных родах войск. Особенностью основной, объединяющей восприятие фронтовиками боевых машин, выступает их персонификация. Одухотворение материальной сферы жизни восходит еще к первобытному анимизму, им пропитана вся традиционная культура. Если в условиях стабильного, спокойного развития современных обществ одухотворение вещей проявляется преимущественно в календарно-трудовой, семейно-бытовой обрядности, то в кризисные периоды соответствующие представления актуализируются.

Персонифицированное восприятие солдатами боевых машин прочно закреплено на лексическом уровне. Проведенный автором анализ фольклорного материала, собранного в 1944–1945 гг. специалистами Института народного творчества и искусств (сейчас – Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рылского), показывает, что обозначения техники сопровождаются глаголами и прилагательными, обычно применяемые к живым существам, а часть этих метафор прочно вошла в речь: танки – идут, ждут боя, стоят наготове; пушки – говорят, кричат, охают, замолкают, угощают; самолет – беззаветный, «Катюша» – любимая, милая, веселая, славная, храбрая [2].

В анекдотах, сказках, песнях, стихах боевые машины ведут себя, как люди: говорят, обладают своими характерами, ссорятся, влюбляются. Зенитки, обращаясь к немецкому бомбардировщику, «вверх морды задрав: «Кому? Кому? Кому?» (построенный на звукоподражании популярный шуточный рассказ) [3, с. 350]. Миномет «кашляет ... тихо охнет – / И десяток

фрицев сдохнет» (частушка) [2, арк. 59], танк «танкетку полюбил, / В рощу с ней гулять ходил» (частушка) [4].

Самолеты, танки и орудия в сознании участников Великой Отечественной войны выступали не просто живыми существами, а самостоятельными борцами с врагом. Образ боевой машины-воина нашел воплощение во всех жанрах фронтового фольклора. В фотографическом и кинодокументальном воплощении различных аспектов создания и применения техники в 1941–1945 гг. легко считаются этапы жизни и боевого пути солдата. Первый шаг – это рождение машины, то есть ее изготовление на заводе. Путь техники на фронт имеет прямые параллели с распространенными фоторепортажами об отправке солдат на войну. Наиболее показательными, хотя и немногочисленными, являются фотографии, на которых отдельные боевые машины непосредственно вступают в противостояние с противником и побеждают его. Самый известный из подобных снимков – таран танком Т-34 капитана Кокушкина вражеского PzKwII. Несмотря на постановочный характер (советский танк снят спереди, то есть фотограф должен был находиться среди вражеских боевых порядков) этот и подобные ему снимки были призваны продемонстрировать доминирование советских машин над противником. Единично отражено в фотодокументалистике трагическое завершение боевыми машинами своего фронтового пути. Малочисленность таких сюжетов доказывает, что операторы сознательно и бессознательно избегали образов гибели техники так же, как и гибели своих бойцов.

Следует отметить, что отношение участников Великой Отечественной войны к персонифицированной технике не было отстраненным – машины воспринимались, как боевые товарищи. Наиболее эмоционально такое личностное отношение проявлялось в ситуациях прямого обращения бойцов к машинам в моменты острого – трагического или радостного – нервного напряжения. В военном дневнике А.Н. Ржевской январем 1943 г. датирована запись рассказа красноармейца о воздушной атаке противника и его собственной реакции на появление истребителей конструкции КБ А.С. Яковлева: «Я с дикого ума как стал курит и, представьте, одного немца зажег. Хвост задымил. Попал! А здесь наши летят. «Яшки», давайте! – Кричу – «Яшки» [5, с. 140]. Летчик Коротков в письме к жене в Сталино от

28 мая 1944 г. описал свой последний воздушный бой, в котором был тяжело ранен: «Обнаружили аэродром «фоков», штурман без сознания. А «фоки» все атакуют, но не могут сбить, ибо очень низко летим, и «фока» может врезаться в землю. Один мотор отказал совсем. Рука правая висит плетью. ЛЕЧУ И ГОВОРЮ МОТОРУ: «НУ, РОДНОЙ, ТЯНИ, ТЯНИ, ЕЩЕ НЕМНОГО» [6, с. 163].

Армейское командование оценило потенциал персонифицированного отношения бойцов к военной технике. Так, в директиве ГоловПУ РККА от 23 октября 1944 г. отмечалось, что в частях, где партийные и комсомольские организации привили солдатам «любовное отношение к технике», в несколько раз превышает гарантийный срок эксплуатации танков и самоходных артиллерийских установок. Образ техники-воина широко использовался воплощавшими идеологические установки художниками-плакатистами, карикатуристами.

О выходе очеловечивания боевой техники на уровень ее индивидуализации свидетельствует широкая практика наделяния машин прозвищами и именами. М.К. Азадовский отмечал, что это явление нельзя считать чисто лексическими, такие прозвища является художественным воплощением глубинных слоев мировоззренческих представлений [3, с.6].

Прозвища боевых машин – один из наиболее развитых жанров фронтового фольклора. В составленном в военные годы В.Ю. Крупянской сборнике был выделен раздел: «Прозвища орудий, техники» [7, с. 81–82]. Наиболее распространенными были прозвища отдельных моделей техники. Часто они происходили от настоящего названия машины: бомбардировщик Пе-2 – «пешка» («пешка»), морской самолет МБР-2 – «амбар», истребитель И-16 – «ишак», 152-мм гаубица-пушка МЛ-20 – «Емелька», 122-мм гаубица дивизионная М-30 – «матушка». Также прозвища могли отражать внешние особенности машин. Бомбардировщик Пе-2 имел еще прозвища «сом» и «ласточка»: в зависимости от точки обзора самолет напоминал или большую толстую рыбу, или хрупкую птицу. Из-за длинного, похожего на нос рыбы, ствола пушки и «хищного характера» танк ИС-2 называли «щукой», небольшой по габаритам 50-мм миномет – «Чижиком».

Во фронтовом быту солдаты привязывались к конкретным машинам, давали им имена. В 1942 г. один из танков на Западном фронте назы-

вался «Таня» – в честь разведчицы-диверсантки Зои Космодемьянской, которая в немецком плену назвалась этим именем. Над смотровой щелью машины был закреплен портрет девушки [7, с. 81]. Герой Советского Союза Георгий Костылев рассказал в 1942 г. писателю Николаю Чуковскому, что свой первый самолет назвал «Коломбиной» – за красоту, а после того, как сбил на ней (использован именно женской род) 10 немецких самолетов, заменил имя на «Сказку» [8, с. 8]. Капитан танковых войск Е.И. Зудов в 1942 г. сообщил фольклористам, что одна из пушек в его полку носила имя «Мария Ивановна» [7, с. 81].

Кроме бытовавших в устной традиции, существовали имена, связанные с надписями и рисунками на бортах боевых машин. В таких надписях наглядно прослеживается мировоззренческое взаимовлияние власти и населения, на которое обращают внимание исследователи тотальной войны. Чаще всего надписи на боевой машине указывали, за кого хотят отомстить солдаты, воюющие на ней. В женском авиационном полку после гибели в авиакатастрофе в 1943 г. во время перелета на фронт его командира М.М. Расковой на нескольких пикирующих бомбардировщиках Пе-2 появились надписи: «За нашу Марину» [9, с. 79]. Пилот штурмовика Ил-2 Ю.Г. Афанасьев, который начал службу в ВВС в 1943 г., рассказал: «Командир моего звена, Кононов Борис, погиб тогда, когда у меня было вылетов 20, и после этого командиром звена стал я. Его экипаж, механик, оружейницы, упростили меня написать на моей «девятке» «За Бориса» [10].

Нередко надписи и лозунги наносились на технику еще на заводе. Так, П.А. Филоненко запомнил эпизод, когда он вместе с другими солдатами забирал новые танки на заводе. К ним вышел мальчик с несколькими трафаретами и спросил, какую надпись делать. На выбор были: «За Родину!», «За Сталина!» и другие подобные [11]. Выделялись соответствующими надписями машины, построенные на средства граждан. Так, на всех самолетах Як-9 в эскадрилье, деньги на которую собрали жители Донбасса, было размещено ее название: «Освобожденный Донбасс». Танк, построенный на средства детей Сибири, носил название «Малютка». Рисунки на машинах могли означать результативность действий экипажа. На истребителях звездочки соответствовали количеству сбитых самолетов противника. На самолетах бомбардировочной авиации рисовались бомбочки, каждая

из которых означала боевой вылет. В сухопутных войсках количество уничтоженных машин противника обычно символизировали полосы на стволе пушки.

Таким образом, в общественном сознании фронтовиков в период Великой Отечественной войны сложился целый спектр персонифицированных образов боевых машин:

- живые существа или люди как таковые;
- самодостаточные воины;
- верные боевые товарищи, члены семей бойцов;
- личности с собственными прозвищами и именами.

Образ советской боевой техники служил первичной формой постижения техники красноармейцами, формой, в которой знания о боевых машинах совмещались с культурным опытом, мировоззренческими и ценностными принципами, основами самоидентификации. Освоение окружающего мира путем его очеловечивания, установление своеобразного эмоционального контакта с машиной психологически облегчали жизнь бойцов в сверхтяжелых условиях, давали возможность удовлетворять эстетические потребности, восстанавливать духовные силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Сенявская Е.С.** 1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование / Е.С.Сенявская. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1995. – 220 с.
- 2.** Фольклор Великої Вітчизняної війни, Ч. II, 1945 р. – Наукові архівні фонди рукописів та фонозаписів Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського, ф.14-3, спр.56. – 678 арк.
- 3.** Русский фольклор Великой Отечественной войны / Под. ред. В.Е. Гусева. – М.–Л.: Наука, 1964. – 478 с.
- 4. Пушкарев Л.Н.** Юмор на фронте (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Я помню: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iremember.ru/drugie-voyska/pushkarev-lev-nikitich/stranitsa-12.html>
- 5. Ржевская Е.М.** За плечами XX век / Елена Ржевская. – М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2011. – 640 с.
- 6.** Письма с фронта. Очерки, дневники, письма, фотографии. – Донецк: Донбасс, 1974. – 176 с.

- 7. Крупянская В.Ю.** Фронтной фольклор / В.Ю. Крупянская; под ред. и с предисл. М.К.Азадовского. – М.: Гослитмузей, 1944. – 132 с.
- 8. Чуковский Н.** Рассказы летчиков / Николай Чуковский. – Б/м.: Военмориздат, 1942. – 40 с.
- 9. Долина М.** Дочери неба: «дневные ведьмы» на пикировщиках / М.Долина. – К.: «Довіра», 2010. – 229 с.
- 10. Афанасьев Юрий Сергеевич** [интервью и лит. обработка: Артем Драбкин] // Я помню: сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iremember.ru/letchiki-shturmoviki/afanasev-uriy-sergeevich.html>
- 11. Филоненко Петр Алексеевич**, 1930 г. рождения, запись сделана автором 15 августа 2011 г., г. Киев.